

УДК 94(450).04

И. А. Краснова, Л. Н. Величко

БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ФРАКЦИЙ, ИЛИ ФАЙДА: ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРТИЙ ГВЕЛЬФОВ И ГИБЕЛЛИНОВ ВО ФЛОРЕНЦИИ

В статье раскрываются особенности восприятия в коммунальном обществе Флоренции двух центров власти – папского престола и императора Священной Римской империи; насколько приверженность тому или иному центру выражала внутренние противоречия флорентийского общества и как отвечала политико-идеологическим и духовным потребностям горожан. Ос-

новное внимание уделяется социальному и идеологическому значению разделения городского социума на партии и последующего противостояния между гвельфами и гибеллинами.

Ключевые слова: Средние века, Флоренция, городской социум, консортерия, родовая файда, политические партии, гвельфы, гибеллины, политическая борьба.

I. A. Krasnova, L. N. Velichko

THE STRUGGLE OF POLITICAL FACTIONS OR FIDA: THE ORIGINS OF THE PARTIES OF THE GUELPHS AND THE Ghibellines IN FLORENCE

The article discusses peculiarities of perception of two centers of power - the papacy and the Holy Roman Emperor in the communal-national society of Florence; the extend to which the commitment to a particular centre expressed internal contradictions of Florentine society and met political, ideological and spiritual needs of citizens. The attention is

focused on the social and ideological implications of division of the city society into the parties and the subsequent confrontation between the Guelphs and the Ghibellines.

Keywords: the Middle ages, Florence, urban society, consortia, generic Fida, political parties, the Guelphs, the Ghibellines, political struggle.

Универсальное устройство политического мира в представлениях XIII–XIV вв. предусматривало два высших центра западного христианства – *sacrum Imperium* и *Ecclesia Romana*, обладающих харизматическим авторитетом [19; с. 58–59]. В данном случае встает задача проследить, каким образом оно изначально воспринималось в коммунальном обществе города на Арно и насколько выражало его внутренние противоречия.

Историки второй половины XIX – первой половины XX вв., вслед за Джованни Виллани, полагали, что с самого начала эти партии представляли ассоциации гвельфских и гибеллинских нобилей, боровшиеся за контроль над городом [1, р. 284; 7, р. 3; 10, р. 5]. В общем, такого же мнения придерживался Г. Сальвемини, утверждая, что эти партии «взяли начало от распущенных военных сообществ» или «сообществ ба-

шен», поэтому в XIII в. гранды составляли большую часть членов партий [13, р. 151; 11, р. 95–96]. Современные исследователи, с одной стороны, критикуют суждения своих предшественников за невнимание к экономическим проблемам и слабость попыток выявления социального смысла борьбы гвельфов и гибеллинов, проистекающие из переоценки данных нарративных источников, в частности хроник, не подкрепленные соответствующими архивными материалами [17, р. 91–92]. С другой стороны, они же отмечают крайнюю сложность исследования противостояния гвельфов и гибеллинов в середине – второй половине XIII в. в силу скудости архивных источников: сохранились второстепенные документы, и те с большими лакунами, что очень затрудняет их интерпретацию. Ни одна из имеющихся хроник не может выступать в

качестве аутентичного источника и требует критического анализа, поскольку все они написаны позже середины XIII в. [12, р. 24].

Лишь условно можно связывать гвельфизм и гибеллинизм с определенными социальными слоями. Дж. Табакко объяснял некоторую тягу пополанских структур Флоренции к гвельфизму начиная с установления «Primo popolo» (1250 г.), предшествующей жесткостью правления имперских наместников в Тоскане второй половины 40-х гг. XIII в. Склонность народа к гвельфским нобилем выражала его стремление к городской автономии и независимости от имперских ставленников. В свою очередь, вассально-земельные связи древних и знатных синьоров контадо (графы Гвиди, Убальдини, Буондельмонти) с имперскими институтами предопределили нобильскую интерпретацию гибеллинизма [16, р. 322–324]. Но даже эти взвешенные выводы Табакко следует воспринимать с известной осторожностью.

По данным С. Раведжи, не только к партии гвельфов, но и к гибеллинам примыкало немало пополанских семейств: Боницци, Маччи, Мональди, Сассетти, Омодеи, Амиери, Портинари, представители которых занимали авторитетные посты в коммуне [12, р. 36–37]. Этот же автор отмечал, что в гибеллинских Советах заседали ремесленники, являющиеся членами средних и младших цехов – мясники, башмачники, содержатели таверн, булочники [12, р. 49–50]. Можно считать доказанным вывод о том, что градация «гибеллины – нобили» / «гвельфы – пополаны» условна и дискретна: причудливые конфигурации семейных и социально-экономических интересов, а также быстро меняющиеся политические ситуации размывали границы между гвельфскими ориентациями пополанов и гибеллинскими пристрастиями нобилей.

Н. Оттокар был одним из первых, кто попытался выявить и обосновать, социально-экономический аспект разделения общества на партии, ссылаясь на заключения немецкого историка Р. Давидсона. Победу партии гвельфов Оттокар объяснял активно выраженным интересом широких торговых

и финансовых слоев Флоренции к связям с двором понтифика и Апулийским королевством, обеспечивающим наиболее высокие дивиденды от вложений в торговлю и кредиты. Следуя запретительным буллам пап, Карл Анжуйский предоставлял право торговать в своем королевстве только флорентийцам, известным как гвельфы или представляющим «письменные патенты от Партии Гвельфов и Римской Церкви». Выводы Оттокара состояли в том, что «все наиболее живые и активные силы флорентийского экономического мира должны были собираться и объединяться вокруг Партии Гвельфов», а «гвельфский режим лучше адаптировался к порядку, основанному на пополанских ассоциациях, на нуждах и надеждах делового мира Флоренции» [11, р. 48]. С. Раведжи и М. Тарасси привели убедительные иллюстрации, подтверждающие заключение Н. Оттокара [12, р. 46–47; 17, р. 97].

Процесс образования гвельфской партии и первые этапы борьбы гвельфов и гибеллинов во Флоренции, как и в других городских коммунах Тосканы, также вызывают спорные суждения исследователей. Содержание полемики кратко можно выразить следующим образом: в какой степени сутью противостояний, доходящих до открытой гражданской войны, являлись политико-идеологические программы гвельфизма и гибеллинизма, а в какой мере они выражали внутригородские противоречия, основанные на межклановом соперничестве? Иными словами: противоречие между гвельфами и гибеллинами следует считать борьбой политических партий или антагонизмами кланов-консортерий в процессе достижения наибольшего влияния в городском сообществе?

Суть разделения на партии во Флоренции пытались осмыслить уже в середине XIV в. Знаменитый юрист Бартоло Сассоферрато, который демистифицировал противоречие между гвельфами и гибеллинами в своем труде «Tractatus de guelphis et gebellinis» (1355 г.), объявлял, что эти партии в реальности «не имели отношения ни к Церкви, ни к империи, но только к тем фракциям, которые находились в какой-либо провинции

или городе» [14, р. 355]. Флорентийский правовед Лапо да Кастильонкьо ссылаясь на доктора права Джери д'Ареццо, «обладающего высоким авторитетом и моралью», который, рассуждая о названиях «гвельфы» и «гибеллины», сказал, что «наша эпоха более достойна упрека, нежели эпоха язычников, потому что, поклоняясь идолам, те созерцали зримый образ и ощущали поэтому его силу... ибо видели статуи, отлитые в формы, и слышали, как иной раз они давали им ответы. Но наша эпоха поклоняется только двум именам Гвельф и Гибеллин, не видя их статуй и не слыша от них ответов» [2, р. 78]. Возможно, аретинский юрист имел в виду, что эти названия партий применительно к делам итальянских городов, не наполнены имманентным смыслом, представляя своего рода ярлыки, которые наклеивались к локальным противоречиям. Сам Лапо, являясь главой партии гвельфов во Флоренции, использовал уже утвердившуюся к середине XIV в. коннотацию: «Эти партии возникли в Италии из-за распри, которая случилась между Святыми Отцами и Верховными Понтификами, возглавлявшими тогда Церковь Божью, с одной стороны, и Светлейшими Принцесами, Императорами Римскими, с другой» [2, р. 78–79].

Политический универсализм ставшей уже привычной в XIV в. формулы дополнялся элементами идеологической пропаганды разделения на «своих» и «чужих»: «Гвельфы являлись людьми благочестивыми, милосердными, миролюбивыми, были купцами, жаждущими пребывать в свободе и жить в коммуне, имея статус пополанов, почитающих Святую Церковь. А гибеллины были людьми хищными, надменными, сеятелями скандалов, продажными изменниками, склонными к тирании. В их землях почти не имелось ни коммун, ни пополанского состояния, и они всегда оставались жестокими, мало почитая Господа или его Викария на земле... а люди, населяющие их земли – грубыми, дикими, исполненными ненависти» [2, р. 79].

Современные историки не дают окончательного ответа на вопрос о том, какие смыслы вкладывались в межпартийные

противостояния на разных исторических этапах. Табакко утверждал, что с конца XIII в. названия «гвельфы» и «гибеллины» выражали острую борьбу местных группировок, но в то же время с идеологической точки зрения они «почти превратились в пустую фигуру речи, символизирующую локальное единство и выражающую форму жесткого разделения между враждебными фракциями» [16, р. 318]. С ним солидарен Серджо Раведжи, полагающий, что с последней четверти XIII в. какой-либо идеологический смысл гвельфизма и гибеллинизма, если он и имел место изначально, уже был утрачен: «В действительности фракции гвельфов и гибеллинов вытекали из внутренних противоречий и конъюнктур между фамилиями и консортериями, уже соперничавшими; стремление интерпретировать их в ключе универсалистских идеологий есть, если не ошибочное, то представляющее собой апокриф... конкретный смысл разделения заключался в политической жизни Флоренции» [12, р. 28].

Но это мнение не является единственным. Лаура Де Анджелис, исследуя место партии гвельфов в обществе Флоренции конца XIV – первой трети XV вв., оперирует термином «идеология»: «Партия гвельфов с момента вступления изгнанных гвельфов в отечество в 1267 г. становилась непосредственно органом управления и исполняла гегемонистскую роль в городе до образования Приората. Партия осуществляла от самого своего возникновения задачу сохранения гвельфской идеологии и контроля над каждой попыткой возрождения гибеллинской опасности». Исследовательница ссылается на «Laudatio Florentine Urbis» Леонардо Бруни, описавшего гвельфскую партию как хранительницу и оплот основной политической линии Флоренции. Л. Де Анджелис убеждена, что до 1434 г., партия являлась единственной хранительницей верной интерпретации гвельфской идеологии [6, р. 30–31]. Какой ответ на эту проблему может дать обращение к современникам процесса возникновения и дальнейшей эволюции партийного противостояния?

Согласно версии хрониста Джованни Виллани, на которую чаще всего вот уже два с лишним столетия ссылаются исследователи, разделение флорентийских граждан на гвельфов и гибеллинов было принято начинать с событий праздника Пасхи в апреле 1216 г., когда вспыхнула вражда именитых семейств Флоренции из-за убийства Буондельмонте деи Буондельмонти, знатного юноши, отказавшегося жениться на девице из дома Амидеи, с которой он был уже обручен. Родственники девушки оскорбление смыли кровью, убив отступника в день его свадьбы с другой невестой. Хронист резюмировал: «Это разделило все знатные и прочие семейства Флоренции». Во главе гвельфов встали Буондельмонти, партию гибеллинов возглавили Уберти, сторонники Амидеи: «И многие почтенные семейства граждан и пополанов присоединились к той или другой партии, а со временем поменяли свои взгляды и партийную приверженность» [20, р. 129–130]. Хронист трактовал новое разделение общества изначально как конфликт между нобильскими родами. Как комментируют современные историки эти данные Джованни Виллани?

С. Раведжи, высоко оценивая степень достоверности приводимых Виллани имен знати в партии гвельфов и гибеллинов, а также его точность в хронологическом изложении событий [12, р. 29; 20, v. 38–39, с. 129–131; v., 39; с. 157–159; 42–43, с. 160–161; 51, с. 166; 57, с. 169; 63 с.173; 65, с. 174–175; 78–79, с. 183–187; VII. 2, с. 199; 13–16, с. 207–212; 4, р. 31–32], все же считал изложенную хронистом версию разделения флорентийского общества в день «Пасхи на крови» 1216 г. полулегендарной. Подробный критический анализ повествованию Виллани дал Энрико Фаини на основе сравнения нескольких более ранних анналов и хроник. Он пришел к выводу о несомненной достоверности факта убийства Буондельмонте, но доказал, что изложение Джованни Виллани тенденциозно, поскольку оно было составлено гвельфом уже в период полной победы гвельфской партии над политическими соперниками.

Виллани явно идеализировал «гвельфа» Буондельмонте, «столь прекрасного и изящного кавалера» – молодого рыцаря «в новой белой одежде и на белоснежном породистом скакуне» [8, р. 108].

Виллани не упомянул о другом эпизоде, который предшествовал убийству Буондельмонте в апреле 1216 г. В феврале этого же года состоялся пир в 6 милях от Флоренции (в Кампи) по случаю производства в рыцари Маццинго Тегрими де Мацинги, который «пригласил всех добрых людей Флоренции». За столом некий «придворный игрец» (*uno giucolare di corte*) «поднял нож на мессера Уберто дельи Инфангати, сидевшего рядом с мессером Буондельмонте ди Буондельмонти: как друзья, «они ели мясо с одной доски». Уберто «очень рассердился... и все собрание пришло в великое возбуждение». За столом «грубо хватали» один другого, «повергали за горло» и метали ножи друг в друга. Но «когда поднимали столы» по окончании пира, «мессер Буондельмонте ударил ножом мессера Оддо Арриги (Одарриго Фифанти) в плечо и сильно ранил его» [5, р. 117–118]. Буондельмонте представал в этой сцене персонажем агрессивным и неразумным: он ранил сотрапезника уже после окончания пира, когда гости расходились. Оддо Арриги, напротив, поступил так, как было положено по обычаю объявления вендетты, которая считалась делом рода. Он призвал на совет «своих друзей и родичей, среди которых находились графы Гангаланди, Уберти, Ламберти и Амидеи», и они решили помириться с Буондельмонти. Буондельмонте, согласившись на заключение мира, согласно обычаю поклялся взять в жены дочь мессера Ламбертуччо дельи Амидеи, каковая приходилась племянницей Оддо Арриги. Но в дело вмешалась «мадонна Гвальдрада, супруга мессера Форезе ди Донати», которая тайно призвала Буондельмонте и предложила ему свою дочь, воздействуя, по версии псевдо-Брунетто, не столько доводами о красоте девушки, сколько уязвляя его тщеславие и гордость [4, р. 31]: «Кавалер опозоренный, ты женишься из страха перед Уберти и Фифанти; оставь же ту, кото-

рую берешь, и возьми эту, мою дочь, и всегда будешь почитаемым рыцарем». Далее аноним снова подчеркивал безрассудное поведение Буондельмонте: «И тотчас же он пожелал это сделать без всякого совета», то есть, не оповестив, согласно ритуалу заключения брака о своем решении родственников, консортов, друзей и союзников семьи, «покрыв позором женщину из Амидеи, а также и Оддо Арриги». Последний снова собрал совет своих родичей и друзей, которые предлагали ему побить оскорбителя палкой или ранить его в лицо (такая рана считалась позорной). Но Моска ди Ламберти сказал: «Если ты только ударишь или ранишь его, позаботься прежде выкопать себе могилу, где тебя похоронят; но дай ему так, чтобы отплатить равно той обиде, которую тебе причинили» [5, р. 118–119; 20, в. 38, с. 130]. Далее картина свершения мести полностью совпадала с повествованием Виллани. Как видно из этого описания, весьма благоразумно и сдержанно, строго следуя традиционной стратегии рода-консортерии, поступал как раз не Буондельмонте, а оскорбленный им Оддо Арриги, и эта деталь оттеняет импульсивность, самонадеянность и нежелание считаться с традициями и обычаями, свойственные Буондельмонте. К тому же, по мнению Э. Фаини, эти качества вряд ли возможно объяснить молодостью Буондельмонте: трудно установить, сколько ему было лет к моменту гибели, но нашлось документальное свидетельство, что к 1216 г. он уже 4 года был вдовцом, что говорит не в пользу столь уж юного возраста, а те, с кем он пировал, являлись зрелыми мужчинами, активно подвизающимися на политическом поприще Флоренции по 10–15 лет [8, р. 120–121].

На протяжении своего рассказа анонимный хронист не упоминал никаких терминов, содержащих политический или идеологический смысл. В нем фигурировали «друзья» (*amici*), «родственники» (*parenti*), «примирение» (*pase*), «согласие» (*concordia*), «взять в жены» (*togliere per moglie*), «позор» (*vituperio*), «месть» (*vendetta*). Эта терминология обычно сопутствовала описаниям

файды между консортериями. Приводимые неизвестным хронистом детали свидетельствовали, что Одарриго Фифанти и его союзники вершили месть, не отступая от обычая. Во-первых, имело место стремление к паритету между отмщением и нанесенным оскорблением согласно совету Моска Ламберти, данному Одарриго. Наконец, акт мести вершился публично, что было обязательным условием вендетты: она состоялась «в том месте, где собрались люди» (*vendetta fosse fatta in quello loco dove la gente era raunata...*) [5, р. 118–119].

Более того, анонимный хронист и далее отражал скорее типичную картину вендетты, нежели борьбы политических фракций. Согласно версии псевдо-Брунетто файда закончилась в 1239 г. традиционным примирением: «Буондельмонти и Уберти заключили мир; и мессер Риньери Дзингани ди Буондельмонти отдал дочь в жены мессеру Нери Пикколино дельи Уберти [12, р. 33], брату мессера Фаринаты» [5, р. 119]. Как часто случалось, примирение не положило конца разросшейся родовой вражде. Вскоре мир был нарушен: «Буондельмонти и их последователи гвельфы предательски напали на Уберти, Ламберти, Капонсакки, Амидеи, графов да Гангаланди, Боголези и Фифанти, многие из которых были убиты... а мессеру Гвидо де Галли был отсечен нос вместе со всей губой, так что расщелина рта теперь с каждой стороны доходила до самых ушей» [5, р. 119–120].

Анонимный хронист снова прямо обвинял Буондельмонти в «предательстве», которое стало причиной гражданской войны: «Разбитые гибеллины вернулись во Флоренцию, и началась война, укрепления башен и палаццо весь день штурмовались с помощью приспособлений, при этом гибли многие люди» [5, р. 120]. Упомянув в этом случае об открытой конфронтации гвельфов и гибеллинов, аноним тут же возвращался к межродовым отношениям, приводя еще один эпизод отказа от брака, скреплявшего примирение сторон в 1239 г. Нери Пикколино дельи Уберти «отослал жену к отцу, говоря: „Я не хочу плодить поколения

от предателей“». Далее следовало описание явно в духе куртуазно-рыцарских представлений. Изгнанную супругом женщину, «даму очень достойную, мудрую и красивую», ее отец Риньери Буондельмонти «против ее воли вновь выдал замуж за графа Паннокино Паннокьески». И «когда муж в своем доме захотел получить от нее удовольствие, как ему было должно, женщина заплакала и просила его о пощаде: „Благородный человек, я прошу тебя, взывая к твоей учтивости (cortesia): ты не должен принуждать меня, совершая насилие. Знай же, что ты обманываешься, я не могу быть твоей женой, ибо я супруга самого мудрого и лучшего кавалера в Италии, то есть мессера Нери Пикколино дельи Уберти из Флоренции“». После этих речей граф Паннокино, «как воистину благородный и учтивый человек, отказался от наслаждения, но... с любовью предоставил ей утешение и советы, достойные и великие дары, а также сопровождающую свиту. И она стала монахиней, затворившись в монастыре Монтичелли Старом» [5, р. 120]. Разумеется, трудно определить степень достоверности в этом эпизоде, но приведенный фрагмент анонимной хроники раскрывает особенности способа восприятия и понимания разделения общества на две партии. Хотя в этом случае автор уже использует термины «гвельфы» и «гибеллины», он не связывает их ни с идеологическими постулатами, ни с внешнеполитическими силами, но лишь с семейно-родовыми отношениями и распрями, вновь запустившими механизм фавды.

Привлекая к анализу два еще более ранних текста [8, р. 126–128], Э. Фаини обращал внимание на то, что в них вообще не упоминалось о начале фавды между Буондельмонти и Фифанти-Ламберти-Амидеи в 1216 г., хотя нет оснований считать, что эти источники появились позже XIII в. Почему этот эпизод «не заметили» авторы, которые, скорее всего, являлись непосредственными свидетелями события? Ответ, видимо, заключается в том, что родовые фавды и вендетты являлись обычным явлением в условиях многообразия судебных

и внесудебных форм, которое отличало итальянские города-коммуны [18, р. 3]. Сохранение значения консортерий в городе предполагало укоренение обычаев и традиционных норм родового права. Более того, в морально-дидактических трактатах XIII в. имелись наставления в том, как следует выражать ненависть и вершить месть. В частности, можно привести труд Боно Джамбони [15, р. XIII–XIV], в котором он помещал месть (Vendetta) в ряд естественных добродетелей, а не пороков: «На пути вендетты приобретается истинная справедливость между врагами... Если один враг захочет оскорбить другого, тот, кого он пожелал оскорбить, может защищаться по велению природы (естественно) и нанести обиду врагу своему, и ему с ним разрешается поступить путем насилия или ответного оскорбления. И когда обиженный защищается и объявляет вендетту, это и есть то правосудие, который один враг против другого может использовать; и используя его... то есть оскорбляя врага в свою защиту, он не имеет никакой вины, потому что вендетта призывает на этот путь» [9, р. 135]. Фаини приводил дидактический трактат Филиппо Чеффи, в котором этот автор XIII в. учил правилам практики мести: «как должно говорить и склонять друзей сделать вендетту» и «как должно им отвечать» [3, р. 73–74]. Думается, что эти сведения о восприятии вендетты в XIII – начале XIV вв. окажутся полезными, учитывая неразделимость партийных противоречий и родовой вражды в городских коммунах.

Э. Фаини убедительно доказал на основе документальных актов, что представители враждующих фамилий после 1216 г. заседали в одних советах и коллегиях, выступали свидетелями и поручителями по одним и тем же делам, сообща владели одним и тем же имуществом, держали совместный патронат над церквями и монастырями, рождались, заключая брачные союзы, что не дает оснований утверждать разделение общества на партии [8, р. 116–120]. Современники «Пасхи на крови» либо не заметили указанного события, не видя в нем никакого иного смысла,

кроме обычной вражды могущественных фамилий, либо описывали их именно как начало традиционной родовой фаворитизации, вспыхнувшей из-за случайной ссоры на пиру.

Видимо, только в 50-е гг. XIII в. противостояние фамилий, до этого выглядевшее как обычная фаворитизация, вступило в новый этап: начались массовые изгнания и, как следствие, поиски враждующими домами поддержки во внешних силах. К 40–50-м гг. XIII в. относятся наиболее ранние данные, свидетельствующие о том, что гвельфы и гибеллины получили институциональное оформление во главе с «капитанами партии» и «советами партии» и начали активно влиять на официальные органы власти коммуны [8, р. 124]. Гибеллины ориентировались на Фридриха II и затем Манфреда, а также на союзные коммуны Пистойю, Пизу, но главное, Сиену, которая постоянно предоставляла высланным или бежавшим из Флоренции гвельфам политическое убежище. Гвельфы опирались на папский престол, особенно

уповая на Иннокентия IV (1243–1254), затем Климента IV (1265–1268), а также на Лукку. Однако уже в конце 50-х гг. флорентийские гвельфы обнаруживали строптивость в отношении римских понтификов: в сентябре 1258 г. коммуна Флоренция была отлучена от церкви за нежелание исполнять папскую буллу [20, VI. 65, с. 174–175].

Флорентийские хронисты XIII – первой половины XIV вв., повествуя о возникновении партий гвельфов и гибеллинов, обычно не касались сущности идеологических разногласий. Они рассматривали межпартийную борьбу прежде всего как традиционное и лежащее на поверхности противостояние могущественных семейных кланов, не желающих подчинять свои властные амбиции общекommunальному благу, что являлось обычной формой выражения представлений о политических разделениях и противостояниях, в городском социуме, в котором долгое время преобладали могущественные семьи-консортерии.

Литература

1. Caggese R. *Sull' origine della parte guelfa e le sue relazioni col commune* // *Archivio Storico Italiano*. – XXXII. – 1903.
2. Castiglioni Lapo da. *Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglioni cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze*. – Bologna, 1753.
3. Ceffi F. *Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi* / A cura di L. Biondi. – Torino, 1825.
4. Compagni D. *Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi* / Con prefazione di Isidoro del Lungo. – Firenze, 1913. – I. 2.
5. *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII* // *Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento* / Ed. A. Schiaffini. – Firenze, 1954.
6. De Angelis Laura. *La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino*. – Firenze, 2009.
7. Dorini U. *Notizie storiche sull' Università di Parte Guelfa in Firenze*. – Firenze, 1902.
8. Faini E. *Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino* // *Annali di storia Firenze*. – I. – 2006. – Firenze.
9. Giamboni Bono. *Il libro de' vizî e delle virtù e il trattato di virtù e di vizi* // Ed. C. Segre. – Torino, 1968.
10. Masi G. *La struttura sociale delle fazioni politiche ai tempi di Dante* // *Giornale Dantesco*. – XXXI. – 1930.
11. Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. – Torino, 1962.
12. Raveggi S. *Il regime ghibellino* // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze*. – Firenze, 1978.
13. Salvemini G. *La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti*. – Milano, 1972.
14. Sassoferrato Bartolo da. *Tractatus de guelfis et gebellinis* // *Studi e documenti per il VI centenario*, ed. Danilo Segoloni. – Milano: A. Giuffrè, 1962. T.II.
15. Segre C. Bono Giamboni e la cultura fiorentina del Duecento // *Giamboni B. Il libro de' vizî e delle virtù e il trattato di virtù e di vizi* // Ed. C. Segre. – Torino, 1968.
16. Tabacco G. *Egemonie sociali e strutture del potere nel medioevo italiano*. – Torino, 1979.

17. Tarassi M. *Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze.* – Firenze, 1978.
18. Zorzi A. *Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // Pratique ssociales et politique sjudiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Università degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France, Avignon, 29 novembre-1 décembre 2001 / a cura di J. Chiffolleau – C. Gauvard – A. Zorzi.* – Roma, 2001.
19. Арнаутова Ю. Е. Инвеститура в церкви: идея, практика, значение // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН.* – Выпуск 72 (1-2). – М., 2011.
20. Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции / Перевод, статья и примечания М. А. Юсима – М., 1997.

УДК 316.35:324

Е. В. Калинина

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг.

Статья посвящена анализу деятельности неформальных организаций на Ставрополье в условиях разрушения монопольного положения КПСС в обществе. В ней анализируется предвыборная борьба и ее последствия между представителями мест-

ных партийных структур и лидерами неформальных объединений.

Ключевые слова: неформальные организации, региональные выборы, кандидаты, демократизация, народные депутаты, политическая борьба, избирательная система.

E. V. Kalinina

INFORMAL ORGANIZATIONS AND THEIR PARTICIPATION IN REGIONAL ELECTIONS AT THE TURN OF THE 1980 – 1990-s.

Article is devoted to the analysis of activities of the informal organizations in the Stavropol Territory under the conditions of destruction of a monopoly position of CPSU in society. It reviews the pre-election struggle among representatives of local party

structures and leaders of informal groups and its consequences.

Key words: informal organizations, regional elections, candidates, democratization, public deputies, political struggle, electoral system.

Политический плюрализм, свободные выборы, многопартийность, независимые СМИ являются, несомненно, общепризнанными и важнейшими демократическими институтами. В последние годы существования СССР и в первые постсоветские годы их признание происходило с огромными трудностями, сопровождалось ломкой привычных стереотипов, особенно у государственно-партийной номенклату-

ры, утвердившейся во власти еще в годы так называемого «застоя». В частности, с большим трудом пробивала себе дорогу идея многопартийности, что было вполне закономерно в условиях отсутствия гражданского общества (его формирование происходило параллельно со становлением многопартийности) и только набравшего силу массового демократического движения, а, во-вторых, учитывая роль и место